

На рубеже

3

1959

Александр ЛИНЕВСКИЙ

В. Я. ЕВСЕЕВ

Из людей, с молодых лет одержимых страстью к избранному делу, чаще всего выделяются те, кто не щадит себя и ищет новые пути. К таким самоотверженным подвижникам науки относится и петрозаводчанин Виктор Яковлевич Евсеев, недавно получивший степень доктора филологических наук, минуя обязательный для продвижения в научной иерархии разряд кандидата наук. В мире гуманитарных наук такое событие является очень большой редкостью. Четверть века напряженной работы Виктора Яковлевича в области фольклористики завершилась заслуженным признанием.

Жизнь подобных людей иногда бедна внешними событиями. Биография Виктора Яковлевича — не исключение. Он родился в 1910 году в бедняцкой семье карела, в 1917 году отец переселился из деревни в губернский городок Петрозаводск, где работал мелким служащим. Сам Виктор Яковлевич, после окончания в 1927 году средней школы, учился в Ленинградском университете, но его не окончил, и с 1931 года считается научным сотрудником Института культуры Карелии. В 1941—1944 годах он служит в Советской Армии.

Виктор Яковлевич много времени проводит в поездках по Карелии, им записано от сказителей множество рун. Он ведет не только исследовательскую работу, но и преподавательскую — сперва в пединституте, а с 1940 года в Петрозаводском университете. Вот и вся полувековая биография В. Я. Евсева.

Работа любого ученого определяется качеством и, отчасти, количеством его публикаций. До 60 исследовательских работ и предисловий к сборникам — вот то, что сделано Евсеевым за минувшие годы. Сюда входят и два основных его труда, изданные Академией наук СССР.

Первый из них — самый крупный сборник рун на русском языке — «Карельские эпические песни» включает в себя 225 записей из репертуара 71 сказителя нашего време-

ни. В нем собраны бытующие в районах Карелии «традиционные» эпические песни (помимо рун и исторических песен) и советские эпические песни. Вся подготовка этого объемистого издания (почти 60 авт. листов) предисловие и комментарии выполнены Виктором Яковлевичем. Книга показывает, что Советская Карелия не оскудела рунопевцами. Собиратель ввел в научный оборот более четырехсот страниц новых публикаций на карельском и на русском языках.

За исследование «Исторические основы карело-финского эпоса» (книга первая) Виктор Яковлевич получил степень доктора наук. Этот капитальный труд, над которым он работал не менее двух десятилетий, охватывает все этапы развития карельского эпоса от древних времен до наших дней. Грандиозный по всесторонности замысел фактически уже осуществлен — первая книга опубликована, вторая написана и подготавливается к печати.

Монуменальность труда (Я. В. Евсева) станет понятной, если учесть, что во второй том его монографии входит, причем всего лишь как фрагмент, исследование такого мирового памятника фольклора как знаменитый сборник Эл. Ленирота «Калевала». Записанные преимущественно в Карелии руны возникли одновременно с исландским, ирландским и скандинавским эпосами, существенно отличаются от них — отражают, в основном, дофеодальный этап жизни племен, занимающих обширное пространство между Ботническим заливом и Белым морем. При этом карельские руны в отличие от названных эпосов сохранились не в записях начала нашего тысячелетия, а только в устной традиции. Эпосы — русский, некоторых народов Кавказа и Средней Азии — отражают феодальную эпоху и дают мало материала предшествующего родо-племенного этапа. Зато из карело-финских рун мы познаем специфику родовой идеологии и бытовые частности доклассового общества лесной полосы северо-востока Европы.

Поэтому понятен огромный интерес представителей гуманитарных наук к сборнику «Калевала» со дня выхода его в свет в 1835 г. «Калевале» посвящены сотни исследований на основных языках Европы. Но и среди такого исключительно большого числа работ труд В. Я. Евсеева займет видное место.

Первая его книга подразделяется на «Первобытно-общинную эпоху» и «Эпоху феодализма». В первой части рассматриваются первобытно-общинная собственность, следы упоминаний древних орудий труда, рыболовство, охота, скотоводство, земледелие, кузнечное ремесло, борьба матриархата с патриархатом, следы религиозно-мифологических представлений и, в заключение, выделяются древнейшие сюжеты. Во второй части книги изучаются феодальные имущественные отношения и вновь весь цикл хозяйства. Далее следуют разделы: общественные отношения, религиозные формы («элементы христианских и атеистических воззрений»), семейный быт, отношения города и деревни, феодальные повинности, крестьянские волнения, войны эпохи феодальной раздробленности, события периода Русского централизованного государства и кризиса феодализма. Первая книга заканчивается главой «Замечания о рунопевцах и о бытовании карело-финских рун при феодализме».

Как показывает перечень глав вышедшей книги, В. Я. Евсеев отказался от обычного для литературоведа исследования фольклорного материала по сюжетам и выступил как историк. Учитывая, что Виктор Яковлевич знает многие тысячи записей рун, можно было бы лишь радоваться такому подходу к песенному материалу. Однако, как нам кажется, категоричность распределения сюжетных элементов рун по эпохам предполагаемого их возникновения привела исследователя к некоторому схематизму и к бесспорным натяжкам.

Так, например, первобытно-общинное рыболовство автор характеризует коллективностью в изготовлении лодок (стр. 77—81), невода (стр. 82—84) и почему-то закрепляет за промыслом монополию на эпитет «большой» (стр. 83). Рыболовство эпохи феодализма по мнению В. Я. Евсеева, определяется «применением личного местоимения и притяжательных суффиксов единственного числа» (стр. 138), а также эпитетом «маленькая» (там же). Руны с сюжетами о рыболовстве, относимые ученым к феодализму, будто бы характерны «социальным антагонизмом между закабаленным рыболовом и его хозяином» (стр. 140). Но рыболовство и при феодализме являлось

основой питания карел, не случайно селившихся вдоль рек и озер. В те века решительно не было «хозяев» рыбного лова во внутренних бассейнах. Каждый житель Карелии в своей округе преспокойно ловил себе на «варево» сколько ему требовалось, не испытывая здесь классового гнета феодала.

Охота доклассового этапа, по мнению автора обязательно характеризуется коллективностью и эпитетами «огромная» (изгородь) и «большая собака» (стр. 84—85). Однако далее В. Я. Евсеев сам указывает, что и в эпоху феодализма «охота в какой-то мере носила артельно-промысловый характер» (стр. 141). Напомню, что десятки механических ловушек (капканов), выбитые в эпоху «каменного века» на скалах Онежского озера, опровергают теоретическое предположение, будто бы охота в доклассовом обществе нашего Севера обязательно требовала коллективных действий; десятки расставленных ловушек отлично заменяли артельные приемы охоты сугубо индивидуальным промыслом.

Нельзя согласиться и с подразделением рун скотоводческой тематики. Виктор Яковлевич сам отмечает: «Даже позднее, с разложением первобытно-общинного строя, среди карел... было обычным явлением содержать все стадо большой семьи общим неделимым» (стр. 85). Фантастического «большого быка» исследователь относит к первобытно-общинной эпохе (стр. 87—88), а слово «маленький» (например сливки «маленькой коровы») оказывается признаком эпохи феодализма (стр. 144). Затем в главу о феодализме исследователь переносит из предыдущей общественной стадии и символический образ «большого быка» (стр. 146—148). Желаемой автору разницы между рунами двух эпох явно не получилось.

Мотивы первобытно-общинного земледелия сведены В. Я. Евсеевым целиком к многократно переосмысленному образу «сампо» (стр. 91—95). Эпоха феодального земледелия характеризуется у него эпизодом отказа Лемминкяйнена от приглашения на пир Пяйвелы, и это В. Я. Евсеев трактует как «антагонизм между единоличными стремлениями героя руны и общим мировоззрением людей Пяйвелы» (стр. 153). Эпитет «маленькие поля» (стр. 156—158) объясняется отражением дележа пахоты по числу хозяев. Последующие страницы вновь посвящены мотиву «сампо», но теперь уже как признаку феодального земледелия (стр. 159—163). Таким образом, попытки исследователя разложить фрагменты рун по полочкам об-

ественно-экономических формаций явно не дали положительного результата ни по одному из рассмотренных разделов народного хозяйства.

Чем это объяснить?

На протяжении не менее десятка столетий карелы и их соседи хранили в памяти множество сюжетов. Эпические сюжеты считались не выдумкой (сказкой), а былью. Поэтому десятки поколений карельских сказителей, при устном исполнении, кое-что опускали (а именно то, что было уже непонятным им) или наоборот, вставляли от себя то, что характеризовало их время. Стоило кому-то из сказителей XIX—XX века вставить в строчку руны слово «купеческий» («...собирать пернатых на глубоких купеческих проливах»), и руна о состязании героев в сватовстве оказалась отнесенной В. Я. Евсеевым в эпоху феодализма (стр. 141). Не будь слова «купеческий», и эта же руна, наверняка, вошла бы в первобытно-общинную эпоху, поскольку в то время точно так же ловили лососей и охотились на уток. Разве можно подразделять описания промыслов по эпохам, если орудия лова, приемы промысла и объекты были и там и тут одни и те же? Ведь люди первобытно-общинной эпохи уже знали и невод, и лук, и самолеты, которые применялись и позднее — в феодальное время. Земледельческие навыки явно передавались от одних племен к другим, а ее древнейшая форма — огнеподсечная система, как всем известно, бытовала на Севере даже в XX веке!

Результатом расчленения рун по разным эпохам явилось губительное дробление материала. Так, о Сампо говорится на страницах 91—96, 159—166, 224, 283—284, а цикл о Куллерво рассматривается более чем в двадцати местах книги. Это мешает исследователю сделать ряд весьма существенных выводов по такому полистадиальному и предельно сложному образу, в котором со временем слились самые разнообразные сюжеты о рабе, о войне, о мстителе, отщепенце, кровосмешителе и т. д.

Можно было бы отметить и другие неполадки в книге, но не в этом главное. Несмотря на ряд промахов, допущенных фольклористом, историки будут признательны автору за его исследование, в котором он систематизировал обширный материал.

Неоспоримо, что В. Я. Евсеев — первый крупный исследователь карельского эпоса, представляющий нашу отечественную науку. Можно назвать десяток-другой ученых, попутно занимавшихся, по преимуществу, сборником «Калевалы», но из всех наших

соотечественников только В. Я. Евсеев посвятил себя целиком работе над огромным материалом карело-финских рун. Осуществив свой грандиозный замысел, Виктор Яковлевич, несомненно, вошел в первые ряды очень большой группы европейских исследователей этих рун.

Но чем крупнее ученый, тем выше требования к нему. Виктор Яковлевич на протяжении всей книги полемирует с автором этих строк. Даже последнюю страницу своей работы он посвящает этому спору: «А. М. Линевский... без оснований отрицает совершенно очевидные в рунах отражения явлений феодального строя с разнообразными его социальными конфликтами» (стр. 333). Это не совсем так. Мы говорим — руны о племенных героях типа Вийнямейнена, Леммикийнена, Илмаринена и Куллерво появились в эпоху, предшествующую развитому феодализму. Эпоха создания новых рун карельского эпоса и переработка (переосмысливание) более древних рун в целом не переходит границы первых столетий нашего тысячелетия (не позднее начала XIII в.), когда у всех прибалтийских (так называемых «финских») народностей еще только складывались феодальные взаимоотношения, развитие которых было повсюду приостановлено феодалами соседних государств.

Несомненно, что в ряде рун, записанных в устной передаче на протяжении XIX—XX веков, можно выявить кое-какие следы предыдущих, сравнительно недавних столетий. Но, в целом, карело-финские руны все же отражают доклассовый строй общества Севера. Ничем не оправдана методологическая ошибка В. Я. Евсеева, позволяющего себе смешивать руны о племенных героях с таким поздним явлением, как исторические песни, которые слагались в период классового угнетения и потому показывают обширную галерею пришедших и местных насильников (Ганнуса Саксалайнена, то есть немца Ганса, рыцаря Лалмантти, купца Кести, барина Хуртти и т. п.). Допустимо ли включать в эпоху феодализма синтетический образ родоплеменного мудреца Вийнямейнена (не знающего меча и побеждающего своего противника одними магическими заклинаниями) наравне с такими конкретными деятелями истории, как например, Иван Грозный и царь Петр, Карл Двенадцатый и Павел Первый? Невозможно соединение рун, в основном, о племенном периоде с историческими песнями, созданными в XVI—XIX вв., в один раздел «Эпохи феодализма».

Позволим себе посетовать, что В. Я. Евсеев не использовал в первом томе в каче-

стве подсобного материала для дофеодалного эпоса волшебных сказок. Большинство их создано не позднее возникновения самых древних сюжетов эпоса. Нет сомнения, что в недалеком от нас время рунопевец убирал из текста о героях многое, что ему казалось неправдоподобным. Считалось, что карело-финские руны, как и русские былины, отражали героическую быль прошлой, более счастливой для народа жизни. Зато сказки обычно не подвергались подобной переработке, и у всех народов в них сохраняются пережитки самой далекой древности. Именно в волшебных сказках можно найти пояснения к причинам возникновения сюжетов тех рунов, где есть магические мотивы и фантастические события.

Заканчивая короткий обзор исследовательской деятельности Виктора Яковлевича Евсеева, мы считаем нужным еще раз указать на эти просчеты, потому что они, хоть и не сильно, но все же умаляют бесспорную ценность его труда, который всякий объективный читатель, не может не признать за важный вклад в науку. Достоинств в книге много. Например, «Введение» является первым на русском языке мастерски написанным обзором весьма значительной работы, проделанной за истекшее столетие многими десятками фольклористов Европы. Не встречаются серьезных возражений главы, посвященные историческим песням.

Таким людям, как В. Я. Евсеев, деятельность на избранном участке науки является жизненной потребностью. Высокое признание его научной работы — отличный стимул для дальнейшего труда. Виктор Яковлевич

полон энергии и, несомненно, еще сделает для науки многое. «Необходимость сравнительно исторического изучения карело-финских рун и фольклора других финно-угорских народов, а также русского фольклора, — пишет он автору этих строк, — привели к постановке на ближайшие годы в научно-исследовательских планах ИЯЛИ (института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР) особой темы «Взаимодействия карельского, финского и русского фольклора», выполнение которой намечается осуществить по всем основным жанрам устного поэтического творчества этих народов. Одновременно с этим, я надеюсь завершить, наконец, подготовку к печати научно-популярных очерков по истории всех жанров карельского и финского фольклора, которые (очерки), в основном, уже написаны на основе разработанных мною на протяжении последних десяти лет университетского курса лекций «Карельское и финское народно-поэтическое творчество».

Нет сомнения, что каждый, кто любит Карелию и кто желает расцвета ее культуры, от всего сердца порадуется за Институт языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР, сумевший вырастить в числе других работников гуманитарных наук крупнейшего специалиста в области карело-финской фольклористики Виктора Яковлевича Евсеева. От всего сердца пожелаем ему дальнейших успехов. Кто охвачен порывом бескорыстия, кто не жалеет своего времени для упорного и плодотворного труда, тот в Советском Союзе на любой работе получает счастье заслуженного признания!